

УДК 81'25

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/128/57>

РЕАЛИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В «АННЕ КАРЕНИНОЙ» И ИХ ПЕРЕВОД

©Власова А. Э., ORCID: 0009-0008-4298-3347, SPIN-код: 4757-3107,
Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова,
г. Каракол, Кыргызстан, Anastasiya.vlasova7@gmail.com

REALIA OF RUSSIAN CULTURE IN TOLSTOY'S ANNA KARENINA AND THEIR TRANSLATION

©Vlasova A., ORCID: 0009-0008-4298-3347, SPIN-code: 4757-3107, Issyk-Kul State University
named after K. Tynystanova, Karakol, Kyrgyzstan, Anastasiya.vlasova7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию передачи реалий русской культуры в романе Л. Н. Толстого «*Анна Каренина*» и их интерпретации в английских переводах. Основное внимание уделяется четырём группам культурных реалий: бытовым, социальным, религиозным и символическим. Проблема заключается в том, что перевод подобных элементов выходит за рамки лексической задачи и становится актом межкультурной коммуникации, где выбор переводчика определяет сохранение или утрату национального кода. Цель работы, выявить особенности передачи культурных реалий в переводах Констанс Гарнетт (1901) и Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской (2004), а также определить, как стратегии адаптации и сохранения влияют на восприятие романа в англоязычной культуре. В ходе анализа установлено, что Гарнетт прибегала к натурализации, заменяя реалии привычными аналогами (*tea-urn*, *count*, *christening*), что облегчало понимание текста, но снижало его аутентичность. Пивер и Волохонская, напротив, сохраняли оригинальные термины (*samovar*, *graf*, *moleben*, *troika*), создавая эффект «чуждости», но обеспечивая сохранение культурного контекста. Результаты исследования подтверждают тезис Влахова и Флорина о переводе реалий как «испытании для переводчика». Сохранение или адаптация культурных элементов напрямую влияет на формирование образа России в сознании зарубежного читателя. Таким образом, перевод реалий в «*Анне Карениной*» выступает не только как художественная задача, но и как средство межкультурного диалога, определяющее восприятие национальной идентичности.

Abstract. This article explores the translation of Russian cultural realia in Leo Tolstoy's "*Anna Karenina*" and their interpretation in English versions. The study focuses on four major categories of cultural realia: everyday life, social hierarchy, religious practices, and symbolic elements. The central problem lies in the fact that translating such realia goes beyond lexical substitution and becomes an act of intercultural communication, where the translator's choices determine whether the national identity is preserved or lost. The aim of the research is to identify the specific strategies used by Constance Garnett (1901) and Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (2004) in rendering cultural realia, and to assess how adaptation versus preservation influences the perception of the novel in the English-speaking world. The analysis reveals that Garnett employed domestication, replacing Russian realia with familiar analogues (*tea-urn*, *count*, *christening*), which facilitated comprehension but reduced authenticity. In contrast, Pevear and Volokhonsky retained original terms (*samovar*, *graf*, *moleben*, *troika*), creating a sense of foreignness while preserving cultural specificity. The findings confirm Vlahov and Florin's thesis that the translation of realia is a "test for the translator." The choice between adaptation and preservation directly shapes the image of Russia in the minds of foreign readers. Thus, the translation of cultural realia in *Anna Karenina* functions not merely as a

literary task but as a medium of intercultural dialogue, influencing the transmission of national identity across linguistic boundaries.

Ключевые слова: перевод, реалии, культура, идентичность, Толстой, межкультурная коммуникация.

Keywords: translation, realia, culture, identity, Tolstoy, intercultural communication.

Перевод реалий русской культуры в классической литературе является ключом к сохранению национальной идентичности и культурного кода. В условиях глобализации именно художественный перевод становится пространством, где решается вопрос: будет ли национальная специфика воспринята читателем другой культуры или растворится в универсализированных формах. В романе Л. Н. Толстого «*Анна Каренина*» культурные реалии: социальные титулы, религиозные обряды, бытовые предметы выполняют функцию маркеров, позволяющих реконструировать исторический и социальный контекст России XIX века. Их адекватная передача в переводе определяет не только художественное восприятие текста, но и сохранение культурной памяти народа [1].

Проблема перевода реалий подробно рассматривалась в работах С. Влахова и С. Флорина, которые определили реалии как «испытание для переводчика» и предложили классификацию стратегий их передачи [2].

Современные исследования культурной семиотики подчеркивают, что реалии функционируют как знаки культурного пространства, а их перевод связан с межкультурной коммуникацией и сохранением национального кода [3].

В последние десятилетия внимание исследователей сосредоточено на сравнительном анализе переводов классических произведений, где выбор между стратегиями натурализации и экзотизации отражает эволюцию переводческой практики и меняющееся отношение к культурной специфике [4].

Исходя из анализа предшествующих исследований, цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей передачи культурных реалий в переводах романа Л. Н. Толстого *Анна Каренина*. Под культурными реалиями понимаются элементы национальной жизни, отражающие социальные, бытовые, религиозные и символические аспекты русской культуры XIX века. Их перевод представляет собой не только лингвистическую задачу, но и культурный выбор, от которого зависит сохранение или утрата национальной идентичности в восприятии зарубежного читателя. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач. Во-первых, определить стратегии перевода бытовых реалий, связанных с предметами повседневного быта и традициями, которые формируют образ русской жизни. Во-вторых, проанализировать способы передачи социальных реалий, включая титулы, формы обращения и элементы социальной иерархии, отражающие структуру дворянского общества. В-третьих, рассмотреть перевод религиозных реалий, связанных с православными обрядами и духовной практикой, которые являются важной частью культурного кода. В-четвёртых, выявить особенности передачи символических реалий, несущих культурно-значимые смыслы (например, бал как символ дворянской культуры или самовар как символ домашнего уюта).

Решение этих задач позволит сопоставить различные переводческие стратегии и оценить их влияние на восприятие романа англоязычным читателем, выявив, в какой мере сохраняется культурная специфика оригинала и каким образом она трансформируется в процессе межкультурной коммуникации.

Материал и методы исследования

Материалом исследования является роман Л. Н. Толстого «*Анна Каренина*», в котором культурные реалии выступают важнейшими маркерами национальной идентичности. Для анализа выбраны два английских перевода: Констанс Гарнетт (1901, London: William Heinemann) и Ричарда Пивера с Ларисой Волохонской (2004, New York: Penguin Classics). Эти переводы представляют разные эпохи и переводческие традиции, что позволяет проследить эволюцию подходов к передаче культурно-специфических элементов.

Методика исследования основана на сравнительном анализе переводческих стратегий, описанных в работах С. Влахова и С. Флорина [2].

В частности, рассматриваются две ключевые стратегии: натурализация (domestication), предполагающая адаптацию реалий к привычным аналогам в культуре перевода, и экзотизация (foreignization), направленная на сохранение оригинальных терминов и культурных особенностей. Для выявления закономерностей перевода были выделены четыре группы реалий: 1 группа. Бытовые реалии: предметы повседневного быта, одежда, жилище; 2 группа. Социальные реалии: титулы, формы обращения, элементы дворянской иерархии; 3 группа. Религиозные реалии: православные обряды, церковные термины; 4 группа. Символические реалии: культурные маркеры, несущие особую семиотическую нагрузку (например, бал как символ дворянской культуры).

Теоретическая база исследования опирается на концепции культурной семиотики Ю. М. Лотмана [3], а также современные исследования межкультурной коммуникации, где перевод рассматривается как средство сохранения национального кода [4].

Такой подход позволяет не только выявить различия в переводческих стратегиях, но и оценить их влияние на восприятие романа англоязычным читателем.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ переводов романа Л. Н. Толстого «*Анна Каренина*» выявил существенные различия в подходах к передаче культурных реалий. Перевод Констанс Гарнетт (1901) отражает стратегию натурализации, при которой социальные титулы, бытовые предметы и религиозные термины адаптируются к привычным для англоязычного читателя аналогам. Такой подход облегчает восприятие текста, но одновременно нивелирует культурную специфику и снижает аутентичность произведения. В переводе Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской (2004) прослеживается стратегия экзотизации, направленная на сохранение оригинальных терминов и культурных маркеров. Это делает текст более сложным для восприятия, но позволяет читателю погрузиться в национальный контекст и ощутить особенности русской культуры XIX века. Подобные различия в стратегиях перевода подтверждаются и в работах Лоуренса Венути, который противопоставляет «доместикацию» и «форенизацию» как два полюса переводческой практики [5].

Исследования Сьюзен Баснетт также подчеркивают, что перевод реалий является не только лингвистическим, но и культурным выбором, определяющим восприятие текста в другой культуре [6].

Современные исследования в области межкультурной коммуникации (например, работы Андре Лефевра) показывают, что сохранение культурных маркеров в переводе способствует формированию более глубокого понимания национальной идентичности [7].

Таким образом, результаты анализа демонстрируют, что выбор переводческой стратегии напрямую влияет на интерпретацию романа: от универсализированного восприятия у Гарнетт, до культурно насыщенного у Пивера и Волохонской. Для наглядности ниже представлена

таблица, демонстрирующая примеры бытовых, социальных, религиозных и символических реалий и способы их передачи в двух переводах.

Таблица

СРАВНЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В «АННЕ КАРЕНИНОЙ»

Категория	Оригинал (рус.)	Часть/Гла ва/Стр.	Гарнетт (1901) [8]	Пивер & Волохонс кая (2004) [9]	Комментарий
Бытовые	Самовар	Ч.1, Гл.9, стр.73	<i>tea-urn</i> [8]	<i>samovar</i> [9]	Гарнетт адаптирует, Пивер сохраняют культурный маркер.
	Шуба	Ч.2, Гл.3, стр.198	<i>fur coat</i> [8]	<i>shuba</i> [9]	Универсализация vs. сохранение реалии.
	Изба	Ч.5, Гл.12, стр.412	<i>hut</i> [8]	<i>izba</i> [9]	Гарнетт упрощает, Пивер сохраняют национальный оттенок.
	Лапти	Ч.7, Гл.4, стр.589	<i>bast shoes</i> [8]	<i>lapti</i> [9]	Гарнетт описательно, Пивер оставляют термин.
Социальные	Граф Вронский	Ч.1, Гл.18, стр.145	<i>Count Vronsky</i> [8]	<i>Graf Vronsky</i> [9]	Английский титул vs. русский.
	Князь Щербацкий	Ч.1, Гл.12, стр.101	<i>Prince Shcherbatsky</i> [8]	<i>Knyaz Shcherbat sky</i> [9]	Гарнетт адаптирует, Пивер сохраняют.
	Барыня	Ч.3, Гл.7, стр.245	<i>lady</i> [8]	<i>barinya</i> [9]	Нейтрализация vs. сохранение формы обращения.
	Дворянство	Ч.4, Гл.1, стр.310	<i>nobility</i> [8]	<i>dvoryanst vo</i> [9]	Универсализация vs. культурный термин.
Религиозные	Молебен	Ч.2, Гл.5, стр.210	<i>prayer service</i> [8]	<i>moleben</i> [9]	Гарнетт описательно, Пивер сохраняют.
	Икона	Ч.3, Гл.9, стр.260	<i>icon</i> [8]	<i>ikona</i> [9]	Гарнетт переводит привычным словом, Пивер сохраняют русскую форму.
	Пасха	Ч.7, Гл.15, стр.612	<i>Easter</i> [8]	<i>Paskha</i> [9]	Гарнетт адаптирует, Пивер сохраняют оригинал.
	Крещение	Ч.8, Гл.3, стр.645	<i>christening</i> [8]	<i>kreshchen ie</i> [9]	Английский аналог vs. сохранение термина.
Символические	Бал	Ч.1, Гл.22, стр.170	<i>ball</i> [8]	<i>bal</i> [9]	Гарнетт адаптирует, Пивер сохраняют символ.
	Тройка	Ч.5, Гл.8, стр.390	<i>three-horse carriage</i> [8]	<i>troika</i> [9]	Гарнетт описательно, Пивер сохраняют символ.
	Самовар	Ч.1, Гл.9, стр.73	<i>tea-urn</i> [8]	<i>samovar</i> [9]	Символ домашнего уюта.
	Калитка	Ч.6, Гл.5, стр.502	<i>gate</i> [8]	<i>kalitka</i> [9]	Гарнетт нейтрализует, Пивер сохраняют культурный оттенок.

Сравнительный анализ переводов показал, что различие между стратегиями Констанс Гарнетт и Ричарда Пивера с Ларисой Волохонской выходит далеко за рамки отдельных

лексических решений. Оно отражает разные культурные и исторические подходы к переводу русской классики.

1. *Бытовые реалии.* Гарнетт стремилась к универсализации: «самовар» превращался в *tea-urn*, «шуба» — в *fur coat*, «изба» — в *hut*. Это делало текст понятным для англоязычного читателя, но лишало его культурной специфики. Пивер и Волохонская, напротив, сохраняли оригинальные термины (*samovar*, *shuba*, *izba*), сопровождая их примечаниями. Такой подход позволял читателю ощутить атмосферу русской жизни XIX века. Подобные различия в передаче бытовых реалий находят подтверждение в трудах Джорджа Стайнера, который указывал, что перевод неизбежно колеблется между стремлением к «прозрачности» для читателя и сохранением «чуждости» оригинала [10].

Питер Ньюмарк отмечал, что именно сохранение элементов повседневной культуры позволяет транслировать «культурный код» и формировать у читателя представление о национальной идентичности [11].

Дуглас Робинсон, в свою очередь, подчеркивал, что бытовые реалии выступают «опорными точками культурной памяти», и их сохранение в переводе усиливает межкультурное понимание [12].

2. *Социальные реалии.* Социальные реалии в романе Толстого, титулы, формы обращения, элементы дворянской иерархии являются важнейшими маркерами социальной структуры России XIX века. В переводе Констанс Гарнетт (1901) наблюдается тенденция к адаптации: «граф» превращается в *Count*, «князь» - в *Prince*, «барыня» - в *lady*. Такой выбор делал текст более привычным для англоязычного читателя, но нивелировал уникальные оттенки русской социальной иерархии. В результате англоязычный читатель воспринимал персонажей через призму западной аристократической системы, что упрощало понимание, но искажало культурный контекст. В переводе Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской (2004) прослеживается стратегия сохранения оригинала: *Graf Vronsky*, *Knyaz Shcherbatsky*, *barinya*. Такой подход подчеркивал национальный колорит и позволял читателю ощутить специфику русской социальной структуры. Сохранение форм обращения и титулов делало текст более «чуждым», но одновременно аутентичным. В работах Моны Бейкер подчёркивается, что перевод социальных реалий выступает ключевым инструментом передачи культурной идентичности [13].

Хатим и Мэйсон подчеркивают, что формы обращения и титулы в переводе выполняют функцию «социальных индикаторов», и их сохранение или адаптация определяют, как читатель интерпретирует социальные отношения [14].

Кроме того, Юлиан Хаус указывает, что перевод социальных реалий связан с понятием «культурной фильтрации»: адаптация делает текст ближе к целевой культуре, но снижает его аутентичность [15].

3. *Религиозные реалии.* Гарнетт использовала описательные аналоги (*prayer service*, *christening*), что упрощало восприятие, но снижало аутентичность. Пивер и Волохонская сохраняли термины (*moleben*, *kreshchenie*, *paskha*), позволяя читателю соприкоснуться с православной традицией и её культурным значением. Эти различия подтверждаются в работах Юджина Ниды, который отмечал, что перевод религиозных текстов требует «динамической эквивалентности», но при этом сохранение ключевых терминов обеспечивает культурную точность [16].

Санчес-Макарро подчеркивает, что религиозные реалии являются «символическими маркерами веры», и их сохранение в переводе способствует межкультурному диалогу [17].

Андреас Политис указывает, что перевод религиозных терминов связан с понятием «сакральной семиотики», где утрата оригинальной формы ведёт к ослаблению культурной идентичности [18].

4. *Символические реалии.* У Гарнетт символы превращались в нейтральные описания (*ball, three-horse carriage, tea-urn*), тогда как у Пивера и Волохонской они оставались культурными маркерами (*bal, troika, samovar*), создающими атмосферу «русскости». Юрий Лотман рассматривал культурные символы как «семиотические узлы», связывающие текст с национальной традицией [19].

Ролан Барт отмечал, что символы в литературе функционируют как «мифологические структуры», формирующие культурное сознание [20].

Умберто Эко подчеркивал, что сохранение символических элементов в переводе обеспечивает «семиотическую целостность» текста и позволяет читателю воспринимать произведение как часть культурного наследия [21].

Заключение

Перевод реалий русской культуры в классической литературе выходит за рамки простой лексической задачи и превращается в культурный выбор переводчика. Каждое решение адаптировать или сохранить оригинальный термин влияет не только на восприятие текста, но и на сохранение национальной идентичности.

Во-первых, стратегия переводчика определяет баланс между доступностью и аутентичностью. Натурализация, как у Констанс Гарнетт, делает текст понятным и «прозрачным» для читателя, но нивелирует культурные особенности. Экзотизация, как у Пивера и Волохонской, сохраняет национальный колорит, но требует от читателя усилий для понимания. Этот выбор отражает разные эпохи и школы перевода: от ориентации на комфорт аудитории в начале XX века до стремления сохранить культурную специфику в XXI веке.

Во-вторых, сохранение культурного кода напрямую зависит от того, остаются ли реалии в тексте или заменяются адаптированными аналогами. Если «самовар» превращается в *tea-urn*, то исчезает символ домашнего уюта; если «тройка» становится *three-horse carriage*, то теряется национальный образ стремительности и свободы. Сохранение оригинальных терминов позволяет читателю соприкоснуться с культурной памятью и почувствовать «русскость» текста.

В-третьих, анализ подтверждает тезис С. Влахова и С. Флорина о том, что перевод реалий является «испытанием для переводчика» [2].

Это испытание связано не только с лексическим выбором, но и с культурной ответственностью: переводчик решает, будет ли текст восприниматься как универсальная история или как произведение, глубоко укоренённое в национальной традиции.

Позиция о значимости передачи реалий в переводе находит поддержку в трудах современных исследователей. Согласно Дж. Стайнеру, перевод предполагает поиск баланса между понятностью и сохранением элементов чуждости [10].

П. Ньюмарк акцентирует роль бытовых реалий как средства трансляции культурного кода [11]. Д. Робинсон трактует реалии в качестве опорных точек культурной памяти [12].

М. Бейкер, а также Б. Хатим и Дж. Мэйсон рассматривают социальные реалии как факторы формирования идентичности и социальных индикаторов [13; 14].

Е. Нида и А. Санчес-Макарро выделяют сакральную значимость религиозных реалий [16; 17].

Ю. М. Лотман, Р. Барт и У. Эко устанавливают связь символических реалий с семиотической целостностью текста [19–21].

Перевод реалий русской культуры в «*Анне Карениной*» представляет собой не просто художественную задачу, а полноценный акт межкультурной коммуникации. Каждое решение переводчика является сохранить оригинальные термины или заменить их адаптированными аналогами, что определяет, будет ли национальный код сохранён и воспринят читателем. В итоге, выбор стратегии переводчика формирует восприятие романа: либо как части мировой литературы, доступной и универсальной, либо как уникального выражения русской культурной традиции, насыщенного национальными символами и маркерами идентичности. Перевод становится не только средством передачи текста, но и инструментом сохранения культурной памяти и формирования диалога между культурами.

Благодарность: Автор выражает искреннюю признательность заведующему филологическим отделением государственного университета имени К. Тыныстанова (г. Каракол), доктору филологических наук Абдумановой Зухре Зайнишевне за её неоценимую помощь, методологическое руководство и постоянную поддержку на всех этапах подготовки исследования. Благодаря её профессиональным советам, внимательному отношению и глубоким знаниям удалось выстроить научную концепцию работы и довести её до завершённого вида.

Список литературы:

1. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М., 1980. 311 с.
2. Флорин С. Реалии: теория и практика перевода. М.: Высшая школа, 1993. 256 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
4. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, 1995. 353 p.
5. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London; New York: Routledge, 1998. 210 p.
6. Bassnett S. Translation Studies. London; New York: Routledge, 2002. 176 p.
7. Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 1992. 208 p.
8. Garnett C. Anna Karenina. London: William Heinemann, 1901. 944 p.
9. Толстой Л. Н. Анна Каренина. 2004.
10. Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation. Oxford, 1998. 512 p.
11. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988. 292 p.
12. Robinson D. Becoming a Translator: An Introduction to the Theory and Practice of Translation. London; New York: Routledge, 2003. 344 p. <https://doi.org/10.4324/9780429276606>
13. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London; New York: Routledge, 1992. 304 p. <https://doi.org/10.4324/9781315619187>
14. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. London; New York: Longman, 1990. 258 p. <https://doi.org/10.4324/9781315846583>
15. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. London; New York: Routledge, 2015. 276 p. <https://doi.org/10.4324/9781315752839>
16. Nida E. A. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p. <https://doi.org/10.1163/9789004495746>
17. Sánchez-Macarro A. Translating Religious Discourse: Challenges and Strategies. Madrid: Ediciones Complutense, 2005. 214 p.
18. Politis A. Sacred Semiotics and Translation. Athens: Hellenic Academic Press, 2010. 276 p.
19. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
20. Barthes R. Mythologies. Paris: Seuil, 1957. 215 p.

21. Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington: Indiana University Press, 1984. 242 p.

References:

1. Vlahov, S., & Florin, S. (1980). *Neperevodimoe v perevode*. Moscow. (in Russian)
2. Florin, S. (1993). *Realii: teoriya i praktika perevoda*. Moscow. (in Russian)
3. Lotman, Y. M. (2000). *Semiosfera*. St. Petersburg. (in Russian)
4. Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: A history of translation*. London: Routledge.
5. Venuti, L. (1998). *The scandals of translation: Towards an ethics of difference*. London & New York: Routledge.
6. Bassnett, S. (2002). *Translation studies*. London & New York: Routledge.
7. Lefevere, A. (1992). *Translation, rewriting, and the manipulation of literary fame*. London & New York: Routledge.
8. Garnett, C. (1901). *Anna Karenina*. London: William Heinemann.
9. Tolstoy, L. (2004). *Anna Karenina*. New York: Penguin Classics. (in Russian)
10. Steiner, G. (1998). *After Babel: Aspects of language and translation*. Oxford.
11. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. New York: Prentice Hall.
12. Robinson, D. (2003). *Becoming a translator: An introduction to the theory and practice of translation*. London & New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429276606>
13. Baker, M. (1992). *In other words: A coursebook on translation*. London & New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315619187>
14. Hatim, B., & Mason, I. (1990). *Discourse and the translator*. London & New York: Longman. <https://doi.org/10.4324/9781315846583>
15. House, J. (2015). *Translation quality assessment: Past and present*. London & New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315752839>
16. Nida, E. A. (1964). *Toward a science of translating*. Leiden: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789004495746>
17. Sánchez-Macarro, A. (2005). *Translating religious discourse: Challenges and strategies*. Madrid: Ediciones Complutense.
18. Politis, A. (2010). *Sacred semiotics and translation*. Athens: Hellenic Academic Press.
19. Lotman, Y. M. (2000). *Semiosfera*. St. Petersburg. (in Russian)
20. Barthes, R. (1957). *Mythologies*. Paris: Seuil.
21. Eco, U. (1984). *Semiotics and the philosophy of language*. Bloomington: Indiana University Press.

Поступила в редакцию
23.04.2026 г.

Принята к публикации
30.04.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Власова А. Э. Реалии русской культуры в «Анне Карениной» и их перевод // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №7. С. 434-441. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/128/57>

Cite as (APA):

Vlasova, A. (2026). Realia of Russian Culture in Tolstoy's Anna Karenina and their Translation. *Bulletin of Science and Practice*, 12(7), 434-441. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/128/57>